

САЛТЫКОВ И РУССКАЯ НЕЛЕГАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ В 1884 г.

Сообщение Вас. Гиппиуса

20 апреля 1884 г. были закрыты «Отечественные Записки». «Правительственный Вестник», объявляя о запрещении журнала, прямо возлагал на него ответственность «за удручающие общество события последних лет», за «деятельность злоумышленников», т. е. в переводе с языка казенной газеты — за революционное движение. Отмечая близость некоторых сотрудников «Отечественных Записок» к революционным организациям, «Правительственный Вестник» не находил «ничего странного», что и статьи самого ответственного редактора, т. е. Салтыкова, «появлялись в подпольных изданиях у нас и за границей»¹.

А ведь всего за три года до этого департамент полиции был уверен в сравнительной благонадежности того же ответственного редактора. В одном из «донесений» 1881 г. Салтыков был охарактеризован так: «принадлежа по своей традиции 40-х годов и современным воззрениям к умеренно-либеральной партии, он, однако, не может быть причислен к сочувствующим анархическим проявлениям последнего времени. Напротив, насколько известно, удаляется он от всякого общения с крайними партиями»².

Это могло быть верно только в отношении личного поведения Салтыкова, но не его идеологии, которая при всех возможных разногласиях в ее определении никак не может быть отождествлена с буржуазно-дворянским «умеренным либерализмом».

Важна в этом случае перемена отношения правительственных кругов не только к Салтыкову лично, но и ко всей объединенной в «Отечественных Записках» группе «попутчиков» народофильства. А эта группа была в литературе 70—80-х годов ведущей. Еще недавно она могла считаться и нейтральной и безвредной; теперь же, когда происходил очевидный для всех процесс ее решительного расслоения, — опасность легко могла быть заподозрена и в элементах, казавшихся «умеренными».

Перемену эту заметил и отметил между прочим Михайловский, который писал в подпольном органе «Народной воли», отзываясь на закрытие «Отечественных Записок»: «Когда-то правительство и его холопы утверждали, что наши ряды пополняются исключительно «молодыми безумцами», недоучившимися мальчишками и пр... Теперь же правительственное сообщение прямо говорит, что известная часть легальной литературы солидарна с нами или даже входит в состав революционной организации»³.

Хотя слова эти сказаны представителем именно «легальной литературы», в основном они справедливы: известная «солидарность» между легальной группой «Отечественных Записок», с одной стороны, и группами, близкими к народофильскому подполью, — с другой, может быть доказана. Идеология этих групп имела общую классовую базу в расслабляющейся мелкой буржуазии; процессом расслоения обусловлены и идеологические оттенки, которыми эти группы друг от друга отличались.

Нам придется отправляться от опубликованных уже⁴ откликов «Общественного Союза» на закрытие «Отечественных Записок», хотя «Союз» не был революционной в строгом смысле слова организацией. Сам он называл себя «учебным батальоном, представляющим все новые и новые силы в борющиеся группы, при чем участникам его не возбраняется разделять воззрения той или другой из действующих партий». В духе самой общей оппозиционности написаны и известные нам документы: обращения к Сал-

тыкову и «Воззвание к русскому обществу» по поводу запрещения «Отечественных Записок». Приводим текст этого воззвания для сопоставления с другим публикуемым здесь документом:

**«К русскому обществу от московского центрального кружка
Общестуденческого Союза»**

Сегодняшние газеты сообщают о новом проявлении той темной силы, которая много лет позорит нашу родную страну и которая именуется русским правительством. Запрещено издание «Отечественных Записок». Преступная рука не пощадила и этого единственного органа, смелого и честного защитника прав русского человека. Мы надеемся, что русское общество не будет по обыкновению равнодушно к судьбе своих защитников. Мы надеемся, что русское общество выразит свое сочувствие великому писателю-гражданину Салтыкову и его сотрудникам, свой протест и негодование русскому правительству, что в русском обществе не умерло еще чувство гражданского мужества и собственного достоинства»⁵.

Воззвание это, по указанию В. В. Колпенского, было напечатано в литографии Яковской на правой стороне литографированного же нелегального издания «Сказок для детей изрядного возраста» Щедрина. Новейший исследователь Салтыкова Р. В. Иванов-Разумник так излагает историю этого издания:

«В середине 1884 г., немедленно после закрытия «Отечественных Записок», были изданы в двух выпусках «Сказки для детей изрядного возраста» (в первом выпуске — «Добродетели и пороки» и «Медведь на воеводстве», во втором — «Вяленая вобла» и «Обманщик-газетчик и легковверный читатель») — те сказки, которые были вырезаны из февральской книжки «Отечественных Записок»... «Выпуск II» этих литографированных сказок («Москва, 1884») — большая библиографическая редкость; его нет даже в каталоге богатого собрания Публичной Библиотеки. См. о зарубежных изданиях произведений Салтыкова в этом каталоге: «Вольная русская печать в Российской Публичной Библиотеке, II, 1920, стр. 99—100»⁶. Действительно, в каталоге, изданном в 1920 г. под ред. В. М. Андерсона, указан только первый выпуск «Сказок»; но в собрании Публичной Библиотеки в Ленинграде есть и второй выпуск, возможно поступивший после 1920 г. Экземпляр этого же выпуска имеется еще, по указанию С. А. Макашина, в Московском Музее Революции. Об этом-то втором выпуске «Сказок для детей изрядного возраста» я и хочу здесь сказать. Он интересен, во-первых, рисунком обложки и во-вторых, своим еще неизвестным в печати предисловием, дающим новый текст воззвания (неподписанного) к «русскому обществу».

Рисунок обложки представляет собою полуоткрытый — от правого верхнего угла к левому нижнему — занавес. На закрытой части занавеса заглавие сборника:

СКАЗКИ

для

детей изрядного возраста

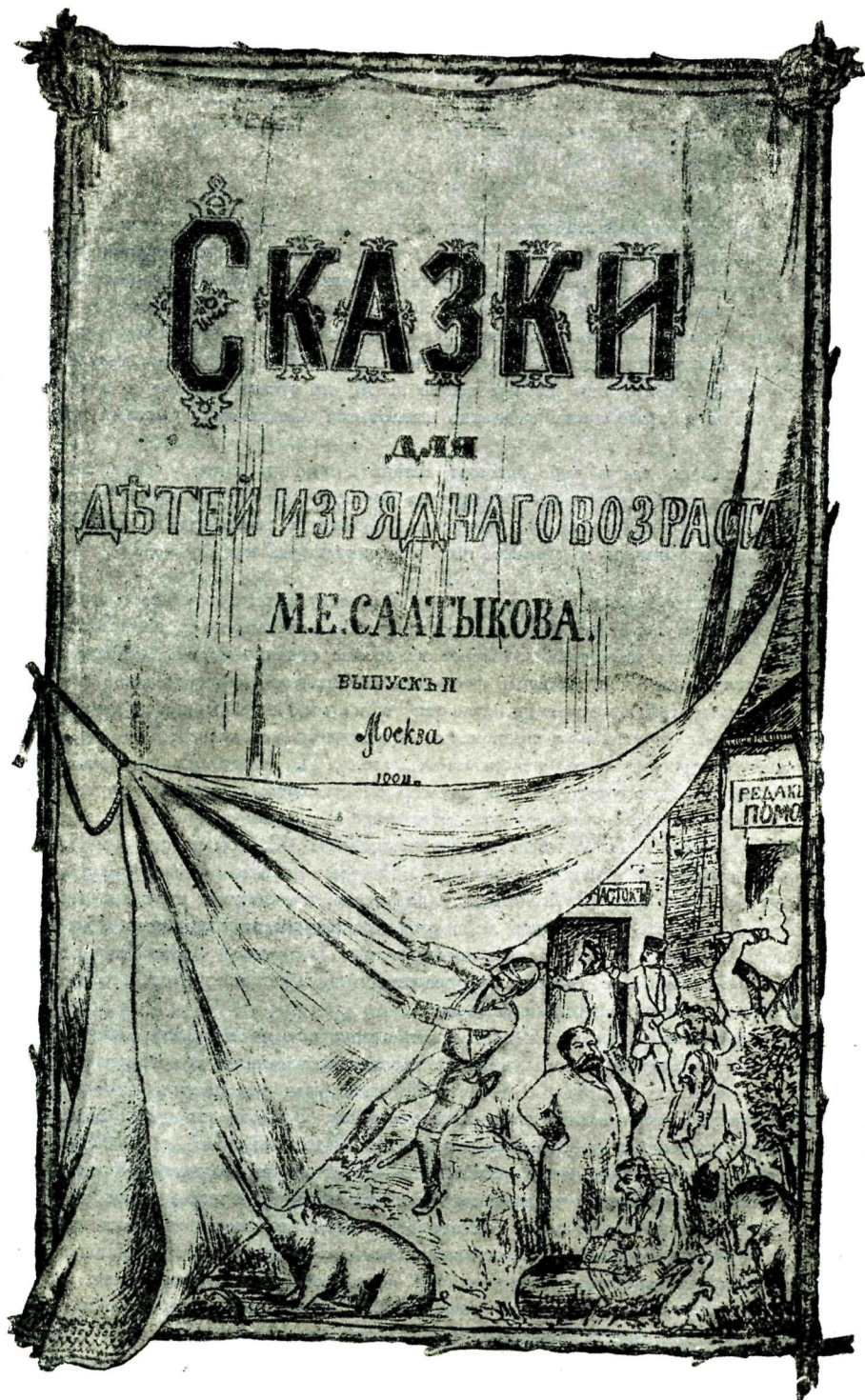
М. Е. Салтыкова

Выпуск II

Москва

1884

Этот занавес, разоблачающий закулисную сторону царского режима, пытаются оттянуть обратно вниз полицейский в форме (в середине) и свинья (внизу). За спиной полицейского — дом с вывеской «Участок», другой полицейский ведет туда за шиворот «неблагоданмеренного». Рядом с участком — дом с вывеской «Редакция помоев»⁷. У дверей редакции — третий полицейский верхом на лошади, с поднятой нагайкой. Несколько ниже — две фигуры новых буржуа — щедринских Деруновых и Разуваевых — с толстыми животами и окладистыми бородами. За ними в фоне — крестьянин чешет голову обеими руками. В самом низу — пишущий доносчик (надпись «донос» на лежащем перед ним листе) — один из щедринских «мерзавцев»⁸. Наконец в правом

ЛОЖКА НЕЛЕГАЛЬНОГО ЛИТОГРАФИРОВАННОГО ИЗДАНИЯ «СКАЗОК» ЩЕДРИНА
ВЫПУЩЕННОГО В МОСКВЕ В 1884 г.

Музей Революции, Москва

нижнем углу — лиса и перед ней в просительной позе заяц (иллюстрация к сказке «Здравомысленный заяц»). Так соединились здесь сатирические мотивы салтыковских сказок с примыкающими к ней мотивами политической сатиры (полицейский и свинья, оттягивающие книзу занавес) с мотивами, взятыми непосредственно из жизни.

Привожу текст помещенной в том же выпуске прокламации:

«Русское общество!»

С неумолимой последовательностью вырывает из рядов твоих лучших членов, цвет и гордость нации, представителей ума и знания, честности и мужества неуклонный и бессердечный деспотизм, и ты глухо, ты спишь попрежнему! Самый выдающийся орган нашей печати, высоко и смело державший свое знамя среди всех невзгод и лишений, преследований, травли — закрыт!.. Прекращен навсегда журнал, сумевший сгруппировать вокруг себя людей, чтимых тобою, журнал, пользовавшийся симпатиями многих и многих твоих членов. Гибнут эти чтимые тобою люди, им грозит ссылка в далекую Сибирь, их таланты и способности медленно поглощаются лишениями, ужасами одиночных камер.

Неужели и теперь, когда тебе бросают вызов прямо в лицо, когда ты видишь воочию, что не «сумасброды» и не «фантазеры» борются с теми, кто душит всякую честную мысль, всякую самостоятельную личность, неужели и теперь ты не проснешься, не встанешь грозно и прямо и не снимешь укоров, тяготеющих над тобою?»⁹

Если сравнить это воззвание с возванием Общестуденческого Союза, опубликованным В. Колпенским, нетрудно заметить разницу. Оно составлено в значительно более решительных и резких выражениях. Первое воззвание ограничивалось либеральными по существу возмущениями и призывами «выразить сочувствие», «протестовать» и т. п. Неизвестные авторы этой прокламации говорят о неумолимой последовательности деспотизма, о вызове, призывают «проснуться», «стать грозно» и т. п. Отвечая на вопрос, кто мог быть издателем «Сказок», П. Анатольев предположительно останавливается 1) на кружке Федора Баулина, печатавшего программу группы «Освобождение труда», а также популярную литературу для рабочих; 2) на радикальном студенческом кружке А. П. Ижевского; 3) на кружке В. С. Романовского и П. А. Ковалева, примыкавшем к народовольчеству¹⁰. Так или иначе организаторов подпольного издания «Сказок для детей изрядного возраста», а значит и прокламации к «русскому обществу» необходимо искать либо среди революционных кружков 80-х годов — поздних народовольческих или ранних марксистских, либо среди ближайших союзников тех или других. Для более точного определения данные издания недостаточны; вопрос может быть решен только новыми фактами.

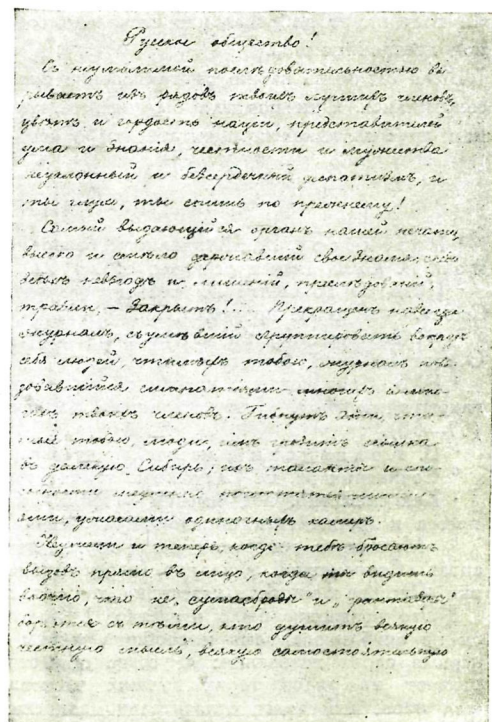
Официальный орган «Народной воли» мог отозваться на закрытие «Отечественных Записок» только в сентябре, когда издание возобновилось после полуторогодового перерыва (за роковой для народовольчества 1883 г. вышли только три номера «Листка Народной воли»). Статья о закрытии «Отечественных Записок» поручена была Михайловскому. Михайловский и до этого сотрудничал в «Народной воле», а в 1880—1881 гг. принимал участие в редакционной работе. Но — факт знаменательный — после 1 марта вместе с значительной частью недавних попутчиков народовольчества Михайловский уходит в сторону и тяготеет даже той второстепенной ролью, которой от него ждали. «Статья по поводу закрытия «Отечественных Записок» была дана Михайловским крайне неохотно, — свидетельствует осведомленный современник¹¹, — после долгих настояний со стороны Германа Александровича [Лопатина], с условием по снятии копии уничтожить немедленно оригинал и никому не называть ее автора». То же подтверждает Г. А. Лопатин: «Я никак не мог уговорить Михайловского написать «Внутреннее Обозрение». Как последнюю уступку он дал статью о «Чижике»¹².

«Статья о чижике» и есть статья Михайловского «Закрытие Отечественных Записок», напечатанная в № 10 «Народной Воли». Она начинается обращением к министру внутренних дел Толстому: «Вот так скотина! добрые люди от него кровопролитиев ждали, а он чижика съел». Это — цитата из щедринского — тогда запрещенного цензурой —

СТРАНИЦА ПРОКЛАМАЦИИ «К
РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ ПО ПОВО-
ДУ ЗАКРЫТИЯ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
ЗАПИСОК», НАПЕЧАТАННОЙ В НЕ-
ЛЕГАЛЬНОМ ИЗДАНИИ «СКАЗОК»

ЩЕДРИНА 1884 г.

Музей Революции, Москва

«Медведя на воеводстве». Цитата звучала двусмысленно, а для знавших об авторстве Михайловского—особенно странно. Сам он это видимо чувствовал и оговаривался:

«Мы не думаем смеяться над погибшим журналом или принижать его. Это был почти единственный орган русской печати, в котором сквозь дым и копоть цензуры светилась искра понимания задач русской жизни во всем их объеме. За это он должен был погибнуть и погиб. Было бы странно, если бы мрачная правительственная сила не наложила раньше или позже руки на мало-мальски светлое явление. Но мы утверждаем все-таки, что, закрыв «Отечественные Записки», Толстой съел чижики,— не того от него ждали. Ждали искоренения революции, прекращения крамолы, а мы живы и надеемся, что в скором времени в этом убедятся все»¹³.

Мысль о закономерности происходящей борьбы («он должен был погибнуть») была высказана в опубликованном выше воззвании гораздо решительнее («неумолимая последовательность»). Воззвание негодовало там, где Михайловский иронизировал. Как бы то ни было, самый факт отклика на закрытие «Отечественных Записок» в органе «Народной воли» сохраняет свое значение.

Отношение революционных и радикальных кругов к закрытию «Отечественных Записок» в основном (при всех возможных и необходимых оттенках) определилось как однородное. Прекращение журнала было воспринято как вывод из строя союзника, как явление разгорающейся борьбы и стимул для ее продолжения. Для уяснения объективной роли Салтыкова в социально-политической борьбе этих лет необходимо сопоставить эти недвусмысленные выражения сочувствия с трусливым молчанием большинства либеральной буржуазно-дворянской литературы. Об этом писал и сам Салтыков (Анненкову 3 мая 1884 г.): «Прежде, бывало, живот у меня заболит — с разных сторон телеграммы шлют: живите на радость нам! а нынче вон, с божьей помощью, какой поворот! — и хоть бы одна либеральная свинья выразила сочувствие! Даже из литераторов ни один не отозвался. Стасюлевич выразил кондолеанс, но относительно сотрудничества в «Вестнике Европы» ни гугу»...¹⁴ В следующем письме тому же Анненкову, продолжая возмущаться отношением ближайших товарищей-литераторов, Салтыков вскользь замечает:

«... получил от добровольцев несколько соболезновательных писем — немного, — но и то под псевдонимами»...¹⁵

Было бы очень важно опубликование писем этих «добровольцев», если они где-нибудь сохранились. Они помогли бы уяснить недостаточно еще изученный вопрос о социальном лице салтыковского читателя и о социальной функции его сатиры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Розенберг, В., Журналисты безвременья, стр. 111, также Евгений-Максимов, В. Е., В тисках реакции, стр. 119.

² Цитирую по статье В. Колпенского «М. Е. Салтыков-Щедрин и Общественный Союз». — «Русское прошлое», сб. 4, 1923.

³ «Литература партии «Народная воля». Изд. О-ва политкаторжан, 1930, стр. 227. О статье Михайловского — см. ниже.

⁴ В. В. Колпенским в названной выше статье и П. Анатольевым в статье «К истории закрытия журнал «Отечественные Записки». — «Каторга и ссылка» 1929, № 8—9 (57—58).

⁵ В. Колпенский, названная статья.

⁶ Сочинения М. Е. Салтыкова, т. V. ГИЗ, 1927, стр. 506.

⁷ Как известно, под именем «Помон» в сатире Салтыкова разумеалась реакционная пресса и ближайшим образом мракобесная газета Цитовича «Берег».

⁸ «Мерзавцы»-доносчики фигурируют между прочим в опубликованных мною вариантах «Современной идиллии» (перепечатаны во 2-м издании «Сказок» Салтыкова в серии «Русские и мировые классики» под ред. Н. К. Пиксанова. ГИЗ, 1930, стр. 307—308).

⁹ Это воззвание было известно П. Анатольеву, автору указанной выше работы, но он не опубликовал его и сообщил о нем неправильные сведения. Приведа (неточно) первые слова возвания: «Русское общество! С неумолимой последовательностью вырывают из рядов твоих лучших членов», П. Анатольев продолжает: «...и дальше шел известный текст относительно запрещения «Отечественных Записок» и того, что общество не останется равнодушно и выразит сочувствие Салтыкову». П. Анатольев ссылается на «дело № 53» архива 6. деп. полиции. Очевидно либо он, либо его первоисточник принял два текста за один, если конечно не существовало третьего текста — какой-нибудь комбинированной редакции.

¹⁰ Названная работа, стр. 189.

¹¹ Из письма Н. М. Саловой к Е. Е. Колосову. Приведено в брошюре Е. Колосова «Н. К. Михайловский», П., 1917, стр. 64—65.

¹² Там же.

¹³ «Литература партии «Народная воля», цитированная страница.

¹⁴ «Письма М. Е. Салтыкова», 1925, стр. 261.

¹⁵ Там же, стр. 263.